

Весна понемногу вступала в свои права. На ивах у реки появились нежные почки - маленькие набухшие бугорки теснились на ветвях и, едва их касался весенний ветерок, будто застенчиво не решались распуститься. У ручья редкими группками собрались по две-три крестьянки. То тут, то там раздавался мерный стук выбиваемого белья, временами слышались смех и разговоры о семейных и деревенских делах. Одежду, пролежавшую всю зиму, как раз пора было выстирать. Сегодня ярко светило солнце, снег на высоких горах начал таять, и вода с шумом стекала по ущельям к подножию деревни.

— Дун-гэр, пойдёшь с нами стирать? — Чэнь Сяньюэ и её свекровь Цай Цзиньхуа проходили мимо дома семьи Сяо с тазами в руках и заодно окликнули его.

Линь Мудун поспешно взял мыльные бобы:

— Хорошо, сейчас иду.

Сяо И отправился осмотреть поле и привести в порядок тот единственный му сухой земли, чтобы с наступлением настоящей весны можно было сеять. Такие домашние дела обычно считались заботой женщин и фуланов, деревенские мужчины за них почти не брались. Но Линь Мудун порой думал, что Сяо И и правда совсем не похож на остальных мужчин. Когда он готовил, Сяо И сам садился к очагу и помогал накладывать еду. Когда Линь Мудун возвращался с реки после стирки, тот вместе с ним развешивал одежду.

И правда, совсем другой...

Линь Мудун невольно улыбнулся этой мысли.

Ли Юйфэнь сажала весеннюю зелень на огороде, сидя на маленькой скамеечке и неторопливо рыхля землю.

— Бабушка, я к реке, — окликнул её Линь Мудун.

— Хорошо, хорошо, — Ли Юйфэнь подняла голову, ответила ему, ещё перекинулась парой шутливых слов с Цай Цзиньхуа и снова занялась работой.

С приходом весны жизнь состояла именно из таких дел. После шумного и яркого Нового года снова наступали хлопотные, но спокойные будни.

У реки каждый выбрал себе мелководное место и присел. Вода всё ещё была ледяной, и если долго держать в ней руки, пальцы быстро краснели от холода. Но женщины и фуланы, привыкшие стирать здесь одежду, не обращали на это внимания и, выбивая бельё, заодно обсуждали последние новости.

— Слышала, двор объявил внеочередные государственные экзамены. В этом году не придётся

ждать осени.

— А чего бы твоему сыну не попробовать?

— Тц, — женщина в простой одежде покачала головой. — Мой-то ни на что не годен. Чем надеяться, что он станет сюцаем, уж лучше надеяться в этом году накопить побольше серебра и на следующий завести поросёнка.

Экзамены не имели к Линь Мудуну никакого отношения, но краем уха он всё же слушал. Раньше отец во что бы то ни стало хотел, чтобы он учился. В частных школах для фуланов, кроме грамоты и счёта, в основном обучали ткачеству и вышивке. Но даже эти несколько вещей Линь Мудун осваивал быстрее других. Его отец вздыхал и говорил, что, родись он мужчиной, у него были бы все шансы сдать экзамен на сюцая.

Вспомнив отца и мать, Линь Мудун невольно загрустил.

Чэнь Сяньюэ придвинулась ближе:

— Лю Шунь тоже собирается сдавать экзамен. Говорят, независимо от того, попадёт он в списки или нет, он уже твёрдо решил жениться на Чжоу Ли. Дядя Чжоу и тётушка Чжоу ничего с ним поделать не могут.

Линь Мудун сказал:

— Когда Ли-гэр женится и переберётся в семью Лю, мы втроём сможем чаще видеться и вместе проводить время.

— Вот именно, тогда совсем рядом будем.

Они оба уже считали само собой разумеющимся, что Чжоу Ли в конце концов согласится на Лю Шуня. Да и не считать было трудно. После того как Лю Шунь разобрался в собственных чувствах, он либо сидел за книгами, либо неотступно ходил за Чжоу Ли, а в качестве выкупа даже был готов отдать десять лян серебра. В городе обычные семьи, когда женили сына на девушке, давали всего около восьми лян. Родителей Чжоу это немало ошеломило. Чжоу Ли же прятаться было уже некуда, и однажды он вдруг увидел в Лю Шуне прежнего себя - такого же назойливо влюблённого, не желающего отступать.

Ну и... ну и раздражал же он!

Когда бельё было выстирано, мокрая одежда в тазу стала тяжёлой, и поднять его оказалось нелегко. Линь Мудун попробовал - вроде бы можно было понемногу дотащить до дома.

У самой воды уже пробился молодой водяной сельдерей - свежий, хрусткий на вид, целыми пучками, но есть его было ещё рано. В прошлом году в глубине гор его росло немало, только тогда они были заняты ловлей рыбы и так и не успели нарезать.

Неизвестно, пойдут ли они туда в этом году. Если пойдут, он возьмёт большой заплечный короб и нарежет целую полную ношу. Стоил водяной сельдерей недорого, но в городе всё же находились любители.

Линь Мудун уже собирался поднять таз, как Чэнь Сяньюэ толкнула его локтем и с улыбкой поддразнила:

— Твой Сяо И пришёл тебя забирать.

Линь Мудун резко поднял голову, и глаза сразу засветились.

— Бабушка сказала, что ты вынес много грязной одежды. Я как раз возвращался с поля и решил по дороге заглянуть, — Сяо И направился прямо к нему.

Он без труда подхватил тяжёлый деревянный таз, и в его руках тот казался лёгким, словно цыплёнок.

На губах Линь Мудуна расцвела улыбка. У реки было много людей, поэтому он застеснялся и лишь украдкой ухватился за край одежды Сяо И, тихо сказав:

— Вернёмся домой - я тебе поесть приготовлю.

Несколько тётушек неподалёку подняли головы и будто бы невзначай взглянули в их сторону. Одна из них про себя недовольно скривила губы. Такой крепкий мужчина, и занимается делами женщин и фуланов...

Конечно, вслух тётка Лю этого сказать не посмела. Но стоило ей вспомнить собственного мужа, который только и умел, что есть да пить и даже упавшую метлу не поднял бы, как раздражение тут же вспыхнуло с новой силой. Она торопливо закончила стирку, подхватила таз и ушла. Перед уходом ещё и закатила глаза.

Это заметила стоявшая рядом молодая девушка.

— Ну и тётка, честное слово...

— Не обращай на неё внимания. У самой жизнь не ладится, вот и смотреть не может, когда другим хорошо.

Но это случилось уже после того, как Линь Мудун и Сяо И ушли, так что они ничего не знали.

Выстиранную одежду развесили на бамбуковых шестах. Линь Мудун заодно постирал и зимние простыни. Они вдвоём взялись каждый за два угла огромной простыни, встряхнули её во дворе и вместе натянули на бамбуковый шест. Полотно оказалось таким большим, что полностью скрыло их обоих.

Бабушка в это время полола огород за двором, а простыня как раз заслонила распахнутые ворота, так что снаружи внутрь ничего не было видно. Линь Мудун развесил остальную одежду и уже собирался вылить воду из таза, как вдруг сзади на его талию легли две большие ладони. Гэр тут же весь напрягся и слегка прикусил губу. Двор был открытый, светлый, и он совершенно не знал, что делать.

Сяо И обнял фулана со спины. Он и сам не понимал, что с ним творится в последнее время. После зимы ему всё чаще хотелось быть к Линь Мудуну ещё ближе, и только когда он вот так тесно прижимал его к себе, на душе становилось немного спокойнее.

Линь Мудун застеснялся так, что сердце дрожало. В объятиях Сяо И он не осмеливался сопротивляться, но при этом боялся, что кто-нибудь внезапно войдёт во двор и увидит их.

— Хватит уже, — тихо напомнил он, одновременно смущённый и робкий, и даже голос у него был мягким-мягким.

Но этот мягкий тон не только не заставил Сяо И унять руки, а, наоборот, словно пёрышком зашевелил сердце, оставляя приятное покалывание.

— А ты меня тоже поцелуй, — негромко начал уговаривать Сяо И, и в глазах у него было одно сплошное ожидание.

Линь Мудун потрясённо уставился на него. Даже ночью он не осмеливался сам начинать подобное, что уж говорить о белом дне, да ещё во дворе, открытом со всех сторон.

Увидев, как Линь Мудун мечется в нерешительности, Сяо И просто продолжил держать его в объятиях и сказал:

— Иначе я не отпущу. А потом бабушка зайдёт...

Бабушка совершенно точно не захочет увидеть подобную сцену, подумал Линь Мудун. Он повернулся, дрожа поднял палец и предупредил:

— Договорились, т-только один раз.

— Угу, не обману, — улыбнулся Сяо И, повернул лицо чуть в сторону и стал ждать, когда фулан сам приблизится.

Линь Мудун растерянно встал на цыпочки. Сяо И был слишком высоким, поэтому чуть наклонился ему навстречу, ожидая прикосновения.

Линь Мудун лишь едва коснулся его губами у самого уголка рта.

Сяо И тут же нахмурился, явно недовольный:

— Не так.

Он обхватил ладонью затылок фулана и снова наклонился, накрывая его губы своими, и на этот раз уже совсем не мимолётно.

В глазах Линь Мудуна выступила влажная дымка.

Обманщик! Договорились ведь только один раз!

Больше никогда ему не поверит!

.....

В воде отражалось белое лицо, и покрасневшие, чуть припухшие губы слишком бросались в глаза. Линь Мудун подцепил пальцем немного помады и осторожно нанёс её, стараясь скрыть следы.

Сяо И подошёл взглянуть и, увидев, что с нанесённым цветом Линь Мудун стал ещё ярче и красивее, чуть прищурил глаза и с улыбкой шагнул вперёд.

Линь Мудун тут же взъерошился, словно испуганный котёнок, зажал рот ладонью и поспешил к выходу:

— Я-я договорился с Ли-гэром и сестрой Сяньюэ пойти в горы за дикими травами.

Позади раздался смех Сяо И. Задуманное ему не удалось, но он не сердился, лишь немного беспомощно вздохнул. Всего-то хотел поцеловать - не съесть же Линь Мудуна. А тот умчался быстрее кролика.

Сяо И оставалось только найти себе работу, чтобы отвлечься. Через некоторое время нужно было покупать цыплят и утят, поэтому он выбрал на заднем дворе две старые деревьяшки,

расколол их на доски и принялся мастерить две деревянные дверцы для загона.

Весной в горах было больше всего всякой съедобной добычи. Три человека шли вдоль склона с корзинами в руках. Впереди тянулся лес, и каждый собирал травы на принадлежащем своей семье горном участке, не заходя на чужую землю. Бамбуковые заросли стояли густые и тёмные. Как раз снова пошли весенние побеги: если снять оболочку, внутри оставался тонкий, всего с палец толщиной, ярко-зелёный росток. На вкус он был нежнее зимнего бамбука, да и в городке за него давали хорошую цену - на один вэнь за цзинь больше.

Часть Линь Мудун оставил для дальнейшего роста, а остальные нежные и хрустящие побеги обломал. Сяо И любил соленья; длинная фасоль, которую они мариновали в прошлом году, как раз закончилась, а бамбуковые побеги они ещё никогда не солили. Может, получится что-нибудь необычное.

Чэнь Сяньюэ и Чжоу Ли тоже нашли немало. В их корзинах лежала и весенняя дикая зелень. Больше всего в горах росло горчицы и цаотоу; если мелко порубить их и сделать начинку для баоцзы на пару, получалось очень вкусно.

Линь Мудун и Чэнь Сяньюэ были слишком увлечены поисками съестного и потому не сразу заметили, что с Чжоу Ли что-то не так.

Чжоу Ли уже вычистил всю мешавшую у дороги траву. Хотя «вычистил» было слишком мягко сказано - скорее, он яростно срубал её одну за другой. Вся поросль осталась голой и жалкой, будто пережила настоящее избиение. В конце концов Чжоу Ли плюхнулся на огромный камень, подпер щеку рукой и с мрачным видом уставился вдаль. Причём сел он как раз на тот самый камень, где в прошлый раз говорил Лю Шуню, что хочет разорвать помолвку, а потом рыдал во весь голос.

Линь Мудун и Чэнь Сяньюэ переглянулись, подошли и уселись по обе стороны от него.

Чжоу Ли сказал:

— Лю Шунь хочет дать десять лян выкупа. Раньше всё уже было согласовано, а позавчера его мать и старшая невестка вдруг передумали и сказали, что не согласны.

Так вот в чём дело. Они оба уже слышали, что Лю Шунь ради этих десяти лян даже в канун Нового года продолжал переписывать книги, зарабатывая деньги. И серебро это он копил сам.

— Мне-то всё равно, много дадут или мало, — вздохнул Чжоу Ли. — Его мать ещё ладно: и кормит его хорошо, и о нём заботится, и учиться позволяет. Но его старшая невестка...

Он вдруг замолчал на полуслове. Чжоу Ли понимал, что нехорошо обсуждать старших за спиной, но если не сказать, внутри всё равно оставалась обида.

— Его старшая невестка согласна только на пять лян. А оставшиеся пять хочет занять и отдать своему старшему брату на лечение. Несколько дней назад он упал с горы и повредил ногу. Я не из тех, кто бросит человека в беде, но эти деньги Лю Шунь ночами копил, чтобы жениться на мне. А его невестка одним словом хочет забрать половину - как тут не расстроиться? Лю Шунь оказался между мной и своей старшей невесткой, ему тоже нелегко.

.....

В семье Лю.

— Десять лян слишком много. По-моему, и восьми хватит, Ли-гэра этим не обидим. У нас в деревне на свадьбу обычно дают пять лян. Тебе ещё учиться дальше, а на это тоже нужны деньги.

— Деньги на учёбу я сам заработаю.

Лю Шунь спорил с матерью не на шутку. Обычно он выглядел немного простоватым и только и делал, что читал книги, но если уж упрямился, даже его мать Ци Ин не могла его переубедить.

Старшая невестка семьи Лю сидела рядом с двухлетним сыном на руках, поджав губы и ничего не говоря. Лицо у неё было мрачное. Ребёнок вдруг заплакал. Она молча поднялась и вышла из комнаты.

Лю Шунь проводил её взглядом, потом повернулся к родителям:

— Договорились на десять лян, значит, будет десять. Я не отступлю. И женюсь я тоже на нём.

С этими словами он тоже ушёл.

Отец и мать Лю были людьми мягкими и честными. Видя, что уговорить сына не получается, они только и могли отступить. Вот только старшая невестка, похоже, останется этим очень недовольна.

Ци Ин немного подумала, потом вытащила из-под кровати корзину с яйцами. В ней лежало тридцать штук - всё снесла старая курица, которую она сама держала. Пусть старшая невестка возьмёт эти яйца и отнесёт в свою родную семью. В крайнем случае можно зарезать и ту старую курицу в доме, чтобы она отнесла её старшему брату. Всё-таки это тоже знак заботы.

Вся семья возлагала надежды на второго сына, который учился, а с семьёй Чжоу их связывала помолвка, заключённая ещё в детстве. Ни одну сторону нельзя было обидеть.

<http://bllate.org/book/19002/2130076>